Марина Перелётная

Когда в Корее наступит полдень

18+

Марина Перелётная

Когда в Корее наступит полдень

https://litres.ru/73242803
SelfPub; 2026

Аннотация

Днём визажист Куан создаёт безупречные образы звёзд, а ночью глава оппозиции Цянь возглавляет сопротивление Системе Трёх ступеней, которая превратила развлечения в инструмент контроля. Куан придётся выбирать между революцией, местью и человеком, которому она рискнула довериться.

Содержание

in Vain — Зря 4
Immediately – Немедленно 21
Opposition – Оппозиция 49
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Марина Перелётная
Когда в Корее наступит полдень

in Vain — Зря

Сеул, 2042 год.

Больничные стены навевают какую-то неправильную тоску. Не ту, которую я сейчас должна испытывать, сидя за дверью операционной. Мама ворвалась туда, распихивая врачей, и, наверное, мне стоило сделать так же, но я сижу в коридоре и листаю YouTube. Видеороликов с митинга набежало уже такое количество, что для полноценного эфира хватит. А я просто хочу разобраться.

Мимо снуют медсёстры, перепуганные пациенты, уставшие врачи. Дружки Юонга, о чудо, испарились почти сразу. И стоило ради этих отбросов рисковать своей шкурой? Может, их не просто так хотят истребить?..

Интернет летает на космической скорости, что удивительно для «Асана», и в первом же ролике я вижу ответы на все свои вопросы.

Судя по видео, в Юонга стреляли раз десять. Судя по ко-

личествам конвульсий, попали около трёх. И судя по маминому вою из его палаты, он только что умер.

***

У Юонга всегда было два светоча в жизни: друзья и справедливость. Парадоксально, что именно они его и сгубили. Я никогда не лезла в его жизнь, потому что он сам не позволял этого. «Ты слишком маленькая, рано тебе соваться в мои дела», – говорил он.

Юонг не любил нашу власть и её политику «Трёх ступеней». Ему вообще претила мысль о том, что у человека практически отнимают свободу выбора.

Повезло родиться красивым? Идёшь на телевидение в развлекательную индустрию: петь и танцевать перед камерой. Если ты талантливый и хорошо соображаешь– добро пожаловать в настоящее зомбирование: создавай и поддерживай эту самую развлекательную индустрию. А если ты просто умный – ты работаешь на благо Республики и занимаешься всем остальным: производством, торговлей, медициной, образованием, промышленностью. В перерывах между работой смотришь по телевизору на Первую Ступень – плоды работы Второй.

Есть и четвёртая категория. Её составляют дети (часто сироты), которые не получили никакого нормального образования, не вышли лицом и не хотят жить по удобной Системе. За десятилетия её существования из таких людей выросли огромные гетто, которые живут сами по себе, почти не

контактируя с остальным Сеулом. В такие места лучше не соваться, потому что туда периодически приходят военные. Тех, кто не подходит ни под одну Ступень, отправляют в утиль. Всё до смешного просто и до страшного исполнительно.

Юонг терпеть не мог такое деление. Сначала меня удивляла его ярость по этому поводу: за тебя всё решили, выбирай любую Ступень и живи как душе угодно. Его, например, видели «айдолом», чем он вызывал просто ярчайшие всплески зависти со всех сторон. Айдолам можно всё, они – надежда страны и главная её головная боль. Но, конечно, я об этом не думала, пока сама не пошла работать на телевидение. То есть пока Юонг был жив.

Хотя ему завидовали, с ним хотели общаться. К нему тянулись. Он очень хорошо располагал к себе людей и мог выбрать кого угодно среди огромного количества тех, кто пытался к нему пробраться. Но он выбрал беспризорников. Утиль. Людей, которые не играют вообще никакой роли и которых, откровенно говоря, за людей-то не считают.

Я видела эту его компанию пару раз. Мрачные, мутные парни и девушки. У них под глазами были огромные тёмные синяки, лица и руки разбиты, в царапинах и кровавых ссадинах. Они вели себя как быдло, поэтому я искренне считала их тем самым пресловутым мусором.

Юонг увидел в них людей. Более того, он увидел в них тех, которые достойны его. Он сам так не говорил, но друзей

всегда выбирал по принципу «моё – не моё». Для Юонга они стали настоящими, близкими друзьями… ради которых он погиб.

Они постоянно куда-то ездили, пропадали ночами, и Юонг приходил разбитый, уставший, иногда покоцанный, но всегда жутко довольный. «*Мы делаем всё правильно*». «*Наши действия приносят плоды*». Я не понимала, о чём он говорит, пока не начала стажироваться на телевидении.

У создателей контента и айдолов есть ещё одна привилегия, кроме зависти Третьей Ступени: правдивые новости. Мы можем их посмотреть, услышать, прочитать… У остального населения нет такой опции: стадо не должно знать, что происходит на самом деле. Их нужно развлекать, они не должны задумываться.

А задумываться было о чём. На стажировке я впервые узнала о митингах. Не обычных и безобидных, где толпы собираются близ Кёнбоккуна и сидят с табличками в руках – на таких идиотов научились давно не обращать внимания. Митинги, о которых рассказывали на стажировке, оказались куда страшнее: небольшая группа студентов, зовущих себя громким словом «оппозиция», устраивала набеги на полицию, выступала против сноса каких-то зданий и вообще довольно яро высказывала своё «фи». С ними боролись, их травили как тараканов, но они выползали снова и снова. В какой-то момент стало известно, что у них есть отличительная примета – татуировка в виде двух триграмм с нашего флага:

«цянь1[1]» и «кунь2[2]» (гуманность и справедливость соответственно). Через пару дней после освещения этой новости я увидела обе татуировки на руках Юонга.

Он сказал, что если я выдам его, он меня простит. И я разрывалась: предать брата или утаить одного из государственных преступников? Его бездействие и полная покорность моему решению настолько меня злили, что после очередной его «экспедиции» я настояла на полном отчёте о вылазках.

Юонг аж светился, пока рассказывал. Он вещал про праведное дело, про несправедливость Системы Трёх ступеней, про друзей и бог знает что ещё. Он показал татуировки и сообщил, у кого их сделал.

– На следующей неделе хотят снести здание детской больницы, где держат сирот, – в конце своей речи поделился он со мной, – мы поедем туда, Куан. Я не допущу сноса больницы и обречения всех этих детей на гибель.

Снос действительно не состоялся, а вот перестрелка превысила всяческие масштабы. По всему Сеулу ещё долго рыскали в поисках сбежавших «оппозиционеров», которых выслеживали, смешно сказать, по следам крови на земле. Юонг был единственным, кому с той улицы не удалось уйти – ни самому, ни с поддержкой товарищей.

***

---

[1] Триграмма (#) – обозначает Юг и символизирует стихию Неба

[2] Триграмма (#) – обозначает Север и символизирует стихию Земли

На маму страшно смотреть. Цвет её лица бледно-серый, а в обрамлении чёрного капюшона и за ночь поседевших волос она больше похожа на призрака. Руки, с которых она сняла все украшения, кроме деревянного браслета-чёток, трясутся так, будто запястья у неё закованы в цепи. Деревянные шарики стукаются друг о друга, крестик дребезжит и действует на нервы. Глаза мама упорно прячет, лишь поклонами здороваясь с немногочисленными посетителями похорон. Я подхожу к ней раз в пять минут, поддерживаю её при ходьбе и отгоняю слишком назойливых родственниц, которым необходимо высказать своё очень важное мнение о позоре семьи или Юонге и его преступной деятельности. На протяжении похоронной процессии, которую все стараются закончить как можно быстрее, тут и там звучат наигранные всхлипы и завывания. Мама идёт за гробом, натягивая на глаза капюшон.

Гроб несут его школьные друзья, с которыми он оставался близок до последнего дня своей жизни. Табличку в руках держит Сухёк, наш кузен, который когда-то вместе с Юонгом планировал идти прослушиваться в какое-то из агентств; я плетусь следом с портретом в руках. Сухёк утирает глаза о плечо, несущие гроб мальчики – свободными руками. От машин до колумбария я дохожу словно в тумане.

Я не плачу. Всем удаётся выдавить из себя слёзы (кроме мамы и членов процессии – они плачут по-настоящему, хотя, казалось, уже всё выплакали), но я медленно иду за толпой вместе с фотографией Юонга и бессмысленно таращусь

себе под ноги. Я знаю, что у меня спокойный взгляд – многие родственники назвали его «пустым» уже несколько раз за сегодня. Я неловко киваю на соболезнования, кланяюсь, собираю конверты и настойчиво прошу тёток разной степени противности не трогать маму и все вопросы решать через меня.

После необходимых церемоний толпа довольно быстро рассасывается, и в колумбарии мы остаёмся с мамой, Сухёком и школьными друзьями Юонга одни. Парни долго произносят много хороших слов в адрес брата, мы с мамой слушаем и бессмысленно киваем, благодарим за доброе к нему отношение и прочее, прочее. Когда и эта компания уезжает, Сухёк сажает маму в машину и возвращается за мной – я стою перед ячейкой с урной, фотографиями и цветами… и не плачу.

– Поехали, Куан, – зовёт меня Сухёк.

– Дай мне попрощаться с оппой, – прошу я шёпотом и закрываю глаза.

Я никогда не называла Юонга на людях «оппа». С нашей культурой айдолов это слово опошлилось и перестало быть вежливым и личным. Но сейчас мне хотелось назвать Юонга именно так – старший брат. Оппа.

***

Я еду к Юонгу на сорок девять дней. Сегодня пора снимать траур. Мама, конечно, будет его держать всю жизнь – Юонг навсегда останется её любимым ребёнком.

После стажировки, на которой меня окончательно приняли на федеральный канал, чувствую себя выжатой и рассеянной. На воротах перед колумбарием зажигаются фонари, вокруг же царит кромешная тьма. Я молча прохожу по коридору мимо урн, прижимая к груди небольшой букетик цветов, по знакомой дорожке продвигаюсь в зал с прахом Юонга, и замираю, потому что в этом зале стоит толпа парней в рваных джинсовках и ветровках, с подбитыми глазами и царапинами на лицах и руках.

Я в ужасе замираю в дверях, стиснув несчастные цветы. Это они. Это дружки Юонга. Почему они пришли к нему сейчас?!

Один из парней оборачивается и сталкивается взглядом со мной. Я стараюсь передать глазами всё своё презрение и всю ненависть, которые испытываю к этим предателям. Но молчу. Не хочу вступать с ними в конфликт здесь, когда Юонг так близко.

Парень, возможно, это понимает, и негромко говорит толпе:

– Ребят, расступитесь. Куан пришла.

Народ и правда расходится, становясь по бокам от шкафчика с урной брата. Я иду через этот самодельный коридор, боясь лишний раз вдохнуть, открываю ячейку и кладу букет. Почему-то не сразу замечаю, что вся полочка завалена сорванными с клумб цветочками и ленточками, которые облепляют небольшую шкатулку. Один из беспризорников,

стоящий ближе ко мне, подаёт голос:

– Юонг-хён хотел, чтобы мы передали её тебе, если что-то случится. Мы решили, что тебе будет приятнее забрать её от него самого.

Голос его дрожит и несколько меняется, когда он произносит имя брата. Я дрожащими руками беру шкатулку и провожу пальцами по крышке. Открыть её не получается: мешает замок.

– Хён хотел сам отдать тебе ключ, но… не успел, – говорит тихо всё тот же громила, – он должен лежать где-то у него в комнате, но тебе лучше знать.

Я поднимаю на него глаза. Он высокий, крупный и у него всё лицо в ссадинах. Одна бровь сожжена – на её месте белый след ожога. Кажется, этого парня зовут Туёль; Юонг считал его своей правой рукой и самым близким другом.

– Туёль-хён, не пугай Куан, – подтверждает мою догадку ещё один парень.

Громила фыркает и поворачивается опять ко мне:

– Если он сможет убедить тебя… мы будем здесь. Мы каждую среду приходим, когда тут мало народу.

– Зачем мне опять к вам приходить? – удивляюсь я, совладав с голосом.

Парень, одёрнувший Туёля, очень осторожно подходит ко мне через самодельный коридорчик и наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза. Я инстинктивно отступаю на шаг назад и упираюсь спиной в стекло ячеек.

– Мы хотим попросить тебя занять его место, – мягко и спокойно, будто речь о погоде, сообщает он, – и Юонг-хён тоже попросит тебя.

Он стучит пальцем по шкатулке.

– Тут всё есть.

***

Я не помню, как добираюсь до метро, доехжаю до дома и прячу шкатулку в сумку. Я рассеянно сообщаю маме о том, что меня приняли на канал, она старается радоваться и даже предлагает устроить небольшой праздничный ужин. Я высиживаю с ней, улыбаясь её комплиментам, но понимаю, что и ей не очень хочется долго меня развлекать – она считает, что не может веселиться после смерти сына. Когда мы заканчиваем убираться и кланяемся поминальному столу, мама желает мне доброй ночи и уходит в свою спальню. Я тут же исчезаю в комнате брата.

У Юонга всегда чисто. Не потому, что он уже не живёт в этой комнате (какой отвратительный юмор, Куан!). Его комната всегда была практически стерильной, он выдраивал её до блеска и скрипа. Наверное, чтобы мы с мамой не нашли ничего, что могло бы обличить его «преступную» деятельность. Мама сюда так и не может зайти, хотя и необходимости нет – пыль здесь магическим образом не оседает. Я в его комнате первый раз с тех пор, как мы вернулись с похорон.

Я включаю свет и осматриваю комнату пристальным взглядом. Куда Юонг мог спрятать ключ? Он должен быть

небольшим, исходя из размеров замочной скважины. И ни одной подсказки… Как в каком-то дешёвом глупом квесте.

Я провожу пальцами по полкам, собирая крошечные пылинки, которым чудом удалось-таки осесть. Ключ не находится. Переставляю местами книги (у брата они стояли в каком-то ему одному известном порядке), и тут из одной вываливается крошечный тетрадный листочек. Без особого интереса поднимаю его и нахожу там кривое изображение ключика, срисованного явно с какой-то детской книжки вроде «Пиноккио», и следующие слова, выведенные почерком Юонга:

«– Это ключ!

– Нет, кое-что получше. Это рисунок ключа».

В голове тут же зарождается догадка.

Юонг был поклонником пиратских фильмов и книг. Он читал «Остров сокровищ» раз двадцать, а киноленты о капитане Джеке Воробье смотрел едва ли не раз в неделю. Эта фраза была как раз в одном из фильмов. Возможно ли?..

Кинотека Юонга тоже в идеальном состоянии, на этот раз фильмы в алфавитном порядке. Диски про пиратов и морские приключения стоят в отдельной стопочке, и я практически сразу нахожу нужные коробки. В одной из них действительно оказывается крошечный, аккуратный и красивый ключик. Тут же отпираю им шкатулку.

В ней ничего особенного: коробка с неподписанным DVD-диском, блокнот и фотография. Первым же делом рассматриваю изображение – на нём Юонг окружён своими

дружками. Они улыбаются в камеру, обнимая друг друга, и демонстрируют свежие набитые татуировки. С обратной стороны фотографии написан какой-то адрес, номер телефона и список имён, два из которых зачёркнуты.

– Ли Сагын и Пак Чхусок, – вслух читаю я, отсчитывая, какими они написаны по счёту и где они изображены на снимке. Этих двух парней я не увидела сегодня в колумбарии – может, просто не запомнила, а может, Юонг зачеркнул их потому, что они… уже погибли.

К горлу подкатывает ком. Я рассматриваю блокнот – брат использовал его как личный дневник и, видимо, перед каждым походом прятал в эту шкатулку. Там мелкие заметки, становящиеся с каждой страницей всё отрывистее, некоторые состоят из одного слова. Например, на страничке, помеченной как восьмое июля, красной ручкой написано лишь: «*Сагынни*». Становится ещё больнее.

В самом начале блокнота тоже вложен листик. На нём очень небрежно выведено: «*Сначала диск*».

У Юонга хороший дисковод, но я начинаю опасаться, как бы мама не услышала подозрительный шум и не вошла в его комнату, поэтому перетаскиваю найденное добро к себе. В мою спальню мама не заходит в принципе, даже чтобы позвать ужинать. Наверное, оно и к лучшему.

На экране компьютера появляется сначала белый шум, а потом практически сразу возникает улыбающееся лицо Юонга. Сердцу становится очень больно, я инстинктивно

хватаюсь за грудь. Брат улыбается в камеру, что-то настраивает; он проводил съёмку у себя в спальне, сидя на кровати, на вид ему тут лет двадцать.

– Привет, Куан, – тепло и нежно обращается Юонг к камере, и я чувствую, как он смотрит мне прямо в глаза, – если ты смотришь это видео, скорее всего, меня уже нет в живых.

На долю секунды его взгляд становится пустым, а улыбка – грустной.

– Если это так, то рискну предположить, что умру… то есть, умер я не своей смертью, – продолжает брат как ни в чём не бывало, – Туёль уговорил меня записать для тебя этот ролик… на всякий случай, вдруг что.

Туёль – это тот верзила. Юонг отзывается о нём с какой-то необъяснимой нежностью и лаской – они явно были близкими друзьями.

– Ты наверняка не одобряешь мои вылазки и нашу деятельность, и я тебя не осуждаю. Но это необходимо. У Туёля на днях убили младшую сестру, потому что она была ниже «ступеней». Ты же знаешь, что мои ребята – беспризорники? Туёль места себе не находит, и знаешь, я его понимаю. Если бы с тобой что-то случилось, я бы лично разорвал обидчика в клочья.

Это правда так. Юонг всегда меня защищал и даже учил давать сдачи. Многие из его уроков забылись, но азы я наверняка вспомню хоть сейчас.

В какой-то момент я даже забываю, что он умер – таким

живым и настоящим он выглядит на экране.

– Они тоже люди, Куан, понимаешь? Тебе не кажется несправедливым это деление? Оно удобное, не спорю, но человек – не машина, он не будет подчиняться определённому алгоритму. Исключения всегда бывают. А когда от этих исключений избавляются, как от старой ненужной вещи, разве это не вызывает страх и отвращение? У меня вызывает. Поэтому я не пошёл по пути айдола, хотя мне прочили успех на этой стезе. Я сейчас занимаюсь куда более важными вещами. Они все заслуживают уважения и жизни. Туёль – опытный стратег, а Чинсу – гений пиротехники… Я мечтаю оставить наш мир без боли, без этих бессмысленных убийств, без страха… Без насилия, понимаешь? Если со мной что-то случится, должен быть кто-то, кто заменит меня, станет их лидером… И мне кажется, что ты лучше всех подходишь на эту роль, даже сейчас, в этот самый момент, пока я записываю это видео.

Он смотрит прямо в камеру, не моргая.

– Я хочу совершить революцию, Куан.

***

Всю следующую неделю, каждую свободную секунду я думаю о том, что говорил Юонг. А он говорил много и долго – ролик длится полтора часа, и весь в его болтовне. Я скучала по его голосу и мимике и в какой-то момент даже наконец пустила слезу. Надо будет отнести диск его дружкам – брат упомянул, что я должна быть первой, кто увидит этот ролик.

На канале меня уже загрузили работой, так что особо думать, по сути, некогда. В этом основная задача «Трёх ступеней» – исполняй своё предназначение и не думай лишний раз. Хотя у меня не самая ответственная должность (и то в перспективе) – я всего лишь визажист.

Быстрым шагом передвигаясь по коридору, я листаю сценарий одного из шоу, прикидывая, как можно поиграть с макияжем. Краем уха слышу, как впереди идущие парни не очень высокого роста ведут диалог на повышенных тонах. Вернее, один преследует второго, пытается поймать за руку и всячески норовит остановить.

– Дуён-а, объясни мне, зачем ты сюда пришёл? – вопрошает преследующий.

– Я хочу стать айдолом, хён, – спокойно и сурово отвечает убегающий.

– Ты что, идиот?

Убегающий очень резко останавливается, так, что я чуть не врезаюсь в обоих, и его дикий взгляд поначалу останавливается на мне, а потом уже на собеседнике.

– А что, это обязательно? Прям как у вас?

Первый парень мнётся буквально секунду и внезапно влепляет второму звонкую пощёчину. При замахе чудом не попадает по мне, так что приходится сделать пару шагов назад.

– Ты о матери подумал, дурень? – почти рычит преследователь, и, хотя он стоит ко мне спиной, я представляю, как у

него кровью наливаются глаза, – что ты собрался тут делать? Под фанеру на шпагат садиться?

– Нет, собираюсь стать, как ты, – язвит в ответ убегавший, а в его взгляде пылает жгучая ненависть.

Я бочком обхожу странную бранящуюся парочку и заворачиваю в нужную мне гримёрку, где вовсю уже идут приготовления к съёмкам. И как в такой суматохе думать о мире без насилия, о равенстве, о революции?..

Прости, Юонг, но, вероятно, ты ошибся с выбором.

***

Я прихожу в колумбарий в среду, как мы и договаривались. В руках у меня только шкатулка с диском – блокнот и фотографию я оставила себе. Дневник брата оказался гораздо более убедительным и красноречивым, чем полуторачасовые распинания. Я была рада увидеть и услышать его, но свою цель видео не выполнило. Записи из дневника справились с задачей убеждения намного лучше. Либо Юонг был таким тонким психологом, либо одно из двух. Впрочем, в этом сомнений не возникало никогда.

Компания дружков брата уже толпится около его ячейки, и, как и в первый раз, вокруг меня образуется самодельный коридор с Туёлем во главе. Он подходит ко мне, совершает поклон на девяносто градусов и останавливает взгляд на шкатулке, которую я протягиваю ему.

– Вы вряд ли видели этот ролик, – произношу я тихо, – посмотрите. Он говорит там о каждом из вас.

Туёль бережно принимает шкатулку из моих рук.

– Ты обдумала наше предложение? – осторожно спрашивает он, словно боится, что я развернусь и убегу. Не стану скрывать, что именно этого мне хочется больше всего.

– Обдумала, – киваю я.

Вокруг воцаряется молчание. Парни даже дышать перестают. Неужто у них не нашлось достойной замены Юонгу?..

Фу, Куан, какая же ты отвратительная.

«*18 августа 2042. Сегодня Чхусок умер от ранения, которое получил в Курогу. Впервые плакал от бессилия что-то изменить*».

– И что же ты решила?.. – подаёт голос один из ребят где-то в начале «коридора». Я обхожу Туёля, кланяюсь праху брата, после чего поворачиваюсь к толпе и слегка улыбаюсь:

– Вы были правы. Юонг меня действительно убедил.

Immediately – Немедленно

Сеул, 2046 год.

До эфира остаётся несколько минут, и я спешно поправляю макияж Сонми. Она сегодня первый раз ведёт утренние новости, поэтому очень волнуется.

– Слышала, тебя снова хотят у нас отнять, – с некоторой усмешкой говорит мне она. Я улыбаюсь, смахивая с её щёк остатки пудры.

– Да, Пак Ёнхэ-сонбэним хочет, чтобы я вела образ какой-то очередной группы.

– Опять тебе молодняк дадут? – хихикает второй визажист, Чжуын, обильно поливая волосы Сонми лаком.

– Не знаю, – пожимаю я плечами, – сказали только, что группа мужская, и что у них какой-то хулиганский концепт. Я даже не знаю, сколько их там.

– Ну, всё как ты любишь, – смеётся Сонми, немного забыв о волнении. Чжуын подхватывает её лёгкий, весёлый смех – ей самой обычно везёт на женские группы, её руки создали несколько десятков великолепных образов. Мне до этих пор доверяли дебютантов-парней, где в группе не больше пяти человек – и то к концу промоушена я становилась нервной и раздражённой. А в таком состоянии мне совсем нельзя вести дела. Хотя надо отдать новичкам должное: почти всегда они настолько испуганные, что даже забывают хамить стаффу.

Пожалуйста, пусть в моём грядущем проекте будет дуэт…

В самом разгаре обсуждения неизвестной хулиганской группы в гримёрку залетает взъерошенный и взмыленный Ким Намгук. Он бешено вращает глазами и головой, пока взгляд его не останавливается на нашей увлечённо болтающей троице.

– Ты! – указывает Намгук пальцем на Сонми, – живо, в студию! А ты, Куан, давай за мной!

– Что-то случилось? – удивлённо вскидываю я брови, краем глаза наблюдая за суетой Сонми, – сонбэним мной недоволен?

– Нет, твои подопечные приехали на час раньше, будем тебя с ними знакомить, – выдыхает Намгук, тоже косясь на Сонми.

– Мне что-то взять с собой? – складываю кисточки и ватные диски в сумку и ловко закидываю её на плечо, показывая, что готова.

– Нет, – поразмыслив, отвечает Намгук, – сегодня мы просто продумаем, как будут выглядеть их клипы. Их должно быть четыре.

– А человек сколько в группе?

– Девять.

С такими большими группами я ещё не работала. Четыре-пять человек – ещё реально, но чтобы девять?.. Спасибо, что не двенадцать, это же умереть можно их красить на каждый клип и каждое выступление. Вряд ли это новички, ина-

че о такой большой группе трезвонили бы из каждого утюга. Значит, кто-то старенький? Но кто?

– У них концепт то ли инопланетян, то ли супергероев, – вещает между тем Намгук, привычно маневрируя между суетящимися работниками телеканала, – это тебе их менеджер расскажет. Ну или сами парни – они довольно общительные.

– А что случилось с их предыдущим визажистом? – зачем-то интересуюсь я.

– Я слышал, что она не справлялась с нагрузкой, но слухами земля полнится, сама знаешь. Не сказал бы, что я в это верю, но, говорят, эти айдолы – те ещё фрукты.

– Загнобили? – понимающе хмыкаю я.

– Не знаю. Не возьмусь сказать, я с ними тоже первый раз работаю, Куан. Их идеи на клипы – это что-то с чем-то, так что не удивлюсь, если у них кукушка поехала.

Поехавшая кукушка у айдолов, тем более стареньких, – это норма. К этому я привыкла уже на втором году работы на канале. Поначалу шарахалась от каждой странности, везде видела заговор и психические заболевания, но потом поняла, что в развлекательной индустрии нормальный человек просто не выживет. Да и разве я сама нормальная? Едва ли кто на канале вообще догадывается о том, что мне приходится от них прятать.

Намгук ловко заворачивает в коридорчик и быстрыми огромными шагами летит к VIP-гримёркам. Я почти бегу за ним, проклиная его гигантский рост и соответствующие это-

му росту шаги. Наконец мой сонбэ останавливается у двери, на которой висит табличка с названием группы (я на неё, разумеется, забываю посмотреть), и без стука заходит внутрь.

Свет ламп после полутёмного коридора бьёт по глазам так, что мне приходится зажмуриться. Я закрываю глаза рукой, пока Намгук кланяется и радостно вещает о том, какой я замечательный визажист и как мы рады сотрудничать с такой известной и талантливой группой. Ему наперебой отвечает гул мужских голосов.

Я открываю глаза и кланяюсь; пятна, которые медленно приобретают очертания и становятся молодыми мужчинами, кланяются мне в ответ. Один из них, не очень высокого роста и с натуральным цветом волос (что для камбэка старой группы удивительно) тут же подходит ко мне, ещё раз кланяется и, ярко улыбаясь, тараторит:

– Очень приятно с вами встретиться, Сон Куан-нуна!

У него глубокие карие глаза, ласковая улыбка и удивительной красоты мимика. Он смотрит на меня снизу вверх, всё ещё стоя в поклоне, и улыбается лукаво, но в то же время нежно. Но я не первый день работаю с такими людьми, на меня эти чары уже очень давно не действуют.

– Я тоже рада встретиться, – киваю я, делая паузу, вспомнив, что не удосужилась даже узнать имена своих подопечных.

– Ванын, главный вокалист, – подсказывает юноша, выпрямляясь и тут же вырастая на несколько сантиметров надо

мной.

– Ванын-щи, – послушно повторяю я, опять кланяясь.

Намгук смотрит на нас с привычной ему гордостью; он уже не распинается перед айдолами, а спокойно и молча наблюдает, как мы с ними будем контактировать. Обычно дальнейшая работа определяется по первому впечатлению и тому, как артист «принимает» стафф. У меня с этим не возникает проблем – спасибо опыту.

Ванын, светящийся, будто солнышко, от меня не отходит и всё тараторит о том, как им повезло в свой камбэк работать именно со мной и моей командой. Он не замолкает ни на секунду, пока ему на плечо не падает рука другого участника группы. Под тяжестью ладони Ванын сразу стушёвывается и принимается извиняться.

Я перевожу взгляд на второго айдола и про себя отмечаю, что он не выглядит таким уж устрашающим. У него коротко остриженные чёрные волосы, под большими глазами замечаю мешки; пухлые губы он вытягивает в линию, но от этого они становятся ещё пухлее. А ещё у него очень угрюмый и даже злой взгляд. Они с Ванын примерно одного роста, но под весом его ладони Ванын явно чувствует себя будто на поводке. Я бы к такому человеку ни за что не повернулась спиной.

Он между тем кланяется и обращается ко мне:

– Простите его, Сон Куан-щи. Ван у нас очень разговорчивый.

– Да что вы, я же не против, – легко смеюсь я, вглядываясь в его лицо, которое кажется мне почему-то знакомым.

– Вот именно, ВиЮ-я! – верещит «солнышко», всё ещё не выпрямляя спину.

– ВиЮ? – повторяю я.

Парень закатывает глаза (мешки становятся ещё более отчётливыми) и убирает с плеча Ванына руку. Тот облегчённо выдыхает и делает несколько шагов назад, к остальной группе.

– Это сценический псевдоним, – поясняет второй артист, глядя мне прямо в глаза.

– Как скажете, ВиЮ-щи.

Одно из важнейших правил айдолов – не раскрывать личность. Это касается не только скандалов и отношений, но и адресов, имён, образования и родного города. Любой информации, которая может тебя скомпрометировать. Если артист представляется настоящим именем – он либо очень тебе доверяет, либо купился на шантаж.

– Ну хватит людей пугать, – подходит третий человек, тоже невысокий, но статный, будто самый настоящий наследный принц, – я лидер LIT, нуна, можете звать меня Гонхо.

Так они называются LIT? Надо чаще телевизор включать.

Один за другим мне представляются остальные. Я давненько не видела такой разношёрстной группы – разного роста, а не как на подбор, с разным отношением к происходящему и явно с разными, кардинально отличающимися харак-

терами. У большинства очень забавные сценические имена – ВиЮ, Гонхо, Рэй, Ксан, Тай, Юн… Они лёгкие и быстро запоминающиеся, чтобы фанатам, видимо, было проще. Хотя что-то мне подсказывает, что поклонники этих ребят знают о них всё, что вообще можно раскопать: от настоящих имён до кличек питомцев.

Намгук знакомит меня с их менеджером, Ли Сынхваном; он тоже высокий и на удивление миловидный. Обычно менеджеры групп, в которой что ни айдол – вижуал, не очень красивые, а тут прямо праздник какой-то. Что ни говори, мне больше нравится работать с приятными внешне людьми, особенно если они умные (а в менеджеры других не берут), – капризы и отголоски «Трёх ступеней».

Сынхван-сонбэ достаёт откуда-то альбомный лист и очень быстро расчерчивает его на четыре части. Вверху он подписывает какие-то слова – судя по всему, названия песен.

– Так как вы ведущий визажист, хубэ, думаю, вам надо понимать концепцию альбома, – очень быстро что-то рисуя и записывая, объясняет Сынхван, – сегодня мы должны продумать образы для «Titan».

И он тычет карандашом в первый столбец. Почерк у него, конечно, катастрофа.

– И какой сюжет у этого клипа? – без особого интереса спрашиваю я, уже размышляя, как потактичнее послать Намгука за моей косметичкой.

Сынхван улыбается, но его бодро перебивает Ванын:

– Митинг!

***

Я закрываю гримёрку на ключ и взглядом провожаю гогочущую толпу айдолов во главе с их менеджером. Голова болит так, словно меня нехило огрели по ней битой. А ведь я всего пару часов провела в компании этих прелестных артистов.

Тему митинга в наше неспокойное время мог взять либо непризнанный гений, либо полный идиот. Я пока не решила, что ближе этим парням. Судя по тому, что они пишут часть песен сами и фонтанируют идеями образов, делать клип под митинг они тоже решили самостоятельно, без подсказок. И это самое абсурдное.

Поворачивая ключ в замочной скважине, я улыбаюсь собственным мыслям. Откуда этим изнеженным красавцам вообще знать, как может выглядеть подобное мероприятие? Они описали его примерно на двадцать процентов правдоподобно, но остальное – детские фантазии из зарубежных фильмов. Подумать только: «*Все оппозиционеры носят пирсинг*»! С трудом сдерживаю смех, вспоминая, как Ванын мне доказывал, будто где-то видел таких борющихся за свободу неформалов. Хоть шрамы мне позволили рисовать так, как надо, и на том спасибо.

– Ну как прошло? – Намгук догоняет меня у лифтов, светится и явно доволен, что отдал меня на растерзание таким популярным музыкантам.

– Сонбэ, скажи честно, – я устало тру веки, – ты сам когда-нибудь на митингах был?

Намгук тут же бледнеет: эта тема – табу.

– Или, может, знаешь кого-то, кто там был, – смягчаюсь я, – мне надо понимать, насколько абстрактно общее понятие о таких восстаниях.

– Говоришь так, будто ты – часть оппозиции, – тут же нервно смеётся Намгук.

Я поднимаю на него очень хмурый взгляд, и он тут же перестаёт смеяться, пряча глаза.

– Я забыл. Извини.

– Ничего, он умер четыре года назад, – неестественно спокойно отзываюсь я, пожимая плечами, – он опозорил мою семью, так что я даже благодарна, что ты о нём забываешь.

– Куан, правда, прости, – резко и довольно громко перебивает меня Намгук, – я не хотел тебя обидеть.

– Я не обижена, сонбэ, – усмехаюсь я, заходя в открывшийся лифт, – иначе бы не задавала вопросов.

– Мне кажется, что тебе не стоит заморачиваться по поводу правдоподобности митингов. Делай, как считаешь нужным, – дружелюбно кивает мне Намгук, улыбаясь уголками губ, – ты всё сделаешь в лучшем виде.

Хорошо, что двери лифта закрываются прежде, чем сонбэ замечает мою издевательскую ухмылку.

Я правда обычно благодарна людям, которые не напоминают мне о Юонге. Для окружающих, коллег и даже друзей,

Юонг – позор семьи, преступник, который умер подобающей ему смертью. Намгук его знал и дружил с ним, но когда мы начинали с ним работать, мы сразу обговорили тему восстаний и связи с ними моей семьи: табу.

Из лифта я выхожу задумчивой и с привычным «пустым» взглядом, и даже не замечаю, как на улице меня догоняет несколько фигур. Уже темно, но фонари зажглись ещё не везде, поэтому я даже не сразу признаю парней, с которых полчаса назад смывала искусственную кровь.

– Нуна! – зовёт меня жизнерадостный голос, в хозяине которого я безошибочно угадываю Ванына, – пойдём с нами пообедать!

Я вспоминаю, который сейчас час, и с улыбкой отвечаю, что для обеда поздновато. На возмущённое: «Нуна-а-а!», – скромно улыбаюсь, напоминая, что мы одного возраста, и это обращение ко мне неуместно. В тусклом свете уличных ламп мне наконец удаётся распознать помимо Ванына ещё троих: высокого и лопоухого Сечжу, такого же высокого Гоюна и теряющегося на их фоне ВиЮ.

– Нуна, мы тебя приглашаем, – громко, грудным голосом уговаривает Сечжу, снова употребив мерзкое обращение, – пойдём!

– Мне надо домой, – отговариваюсь я, нашарив в кармане телефон. Хорошо, что номер Туёля у меня на быстром вызове.

– Не хочет – не уговаривайте, – сурово прерывает лесть

Сечжу ВиЮ, глядя на меня в упор, – может, Куан тоже моего взгляда испугалась.

Без омерзительного «нуна» и даже без фамилии. Просто – Куан. Меня так посторонние уже давно не называли.

– Впрочем, – резко выдаю я, выдержав с какой-то стати пугающий взгляд ВиЮ и расплываясь в улыбке, – раз вы так просите, у меня есть часок на токпокки.

Парень меняется в лице и усмехается, в то время как Сечжу даёт Ваныну «пять», шумно обсуждая, куда они хотят пойти есть. Молчаливый макнэ Гоюн послушно плетётся следом.

Быстро набираю Туёлю сообщение о том, где я и с кем. Он заменил мне брата и волнуется не меньше, чем когда-то волновался Юонг; да и небольшая осторожность будет не лишней в компании этих артистов.

Мы заходим в маленькую кафешку недалеко от здания канала, в двух шагах от станции «Сонсу». Парни рассаживаются за прямоугольным столом и оставляют мне место ближе к выходу. Во главе стола падает Ванын, который у них, судя по всему, запевала. Я опускаюсь на холодную кушетку-диванчик рядом с тихоней Гоюном, а напротив меня сидит хмурый ВиЮ и продолжает пялиться исподлобья.

– Теперь я начинаю понимать, что вы имели в виду под «пугающим взглядом», ВиЮ-щи, – скромно улыбаюсь я, когда наконец приносят токпокки.

Тот усмехается, а Сечжу, сидящий рядом с ним, залива-

ется на всё заведение громовым и заводным смехом.

– Когда мы были трейни, Тай отказался идти с ним обедать, потому что испугался, – поясняет гигант, вытирая выступившие от смеха слёзы. Я вежливо киваю.

За час посиделок я довольно быстро знакомлюсь с характерами парней и даже немного с их историей. Самые болтливые – Сечжу и Ванын; причём первый хохочет от любой, даже самой неудачной шутки, а второй просто тараторит без умолку и совершенно не умеет держать язык за зубами. Гоюн действительно молчун, и я бы скорее приняла его за самого старшего участника, потому что, когда он открывает рот и что-то говорит, его высказывания звучат довольно мудро и лаконично. ВиЮ же очень закрытый. Он тоже редко говорит, его фразы отрывисты и порой совсем не в тему. Он в этой компании самый странный. Неудивительно, что один из их младшеньких его испугался.

Спустя час этого сомнительного мероприятия у меня наконец вибрирует телефон. Я пытаюсь выйти на улицу или хотя бы в зал, но Сечжу переваливается через весь стол и удерживает меня своими длинными руками.

– У тебя же нет от нас секретов, Куан-а? Отвечай здесь, что мы как не родные.

Я послушно сажусь обратно и принимаю звонок, мысленно извиняясь перед Туёлем.

– Куан-а, ты там в порядке? – раздаётся в трубке его обеспокоенный бас.

– Привет, оппа! – приторно-мерзким голосом пищу я, – конечно, я в порядке!

Туёль несколько секунд сконфуженно молчит.

– Они тебя совсем задолбали? Забрать тебя?

– Ой, что ты, оппа! – пищу я ещё выше и слащавее, – я прекрасно доберусь сама, со мной же четверо замечательных молодых людей, что мне будет!..

– Понял, сейчас приду, – сурово басит Чон и обрывает вызов.

Пока я прячу трубку в карман пальто, за столом царит тишина. Но стоит мне поднять глаза, как ко мне через стол тянется Ванын и вкрадчиво интересуется:

– Это твой парень, Куан-а?

– Что? Нет, – улыбаюсь я во все тридцать два, – мой очень близкий друг и почти брат.

– Ты со всеми близкими друзьями говоришь так… нефор-мально? – ВиЮ явно с трудом даётся последнее слово, он прямо выплёвывает его. Сечжу стукает его в плечо и опять заливается смехом.

– Перестань, ВиЮ-я, не всем быть такими правильными, как ты, – хихикает Ванын. Гоюн согласно кивает, бормоча что-то вроде: «Хён прав».

ВиЮ конфузится и будто становится ещё меньше, хотя мы и так примерно одного роста. Ванын, видя, что беседа не клеится, спешит исправить ситуацию:

– Куан-а, тебе понравились наши песни? А идеи для кли-

пов? Почему ты не хочешь нам пирсинг делать?

Он тарахтит как сломанное радио, а я лишь спокойно улыбаюсь, отстукивая пальцами неизвестный мне самой ритм и примерно раз в десять секунд поглядывая на часы. Ну где ты там застрял, Туёль?

– Хочешь, сделаем тебе пирсинг, – киваю я Ванину, сдавшись под натиском этого на редкость активного парня, – надо, чтобы под концепт подходил. Как тебе идея клипсы на губу, похожей на змеиный язык?..

В этот момент перевожу взгляд почему-то на ВиЮ и прямо вижу, как он меняется в лице. Брови хмурятся, глаза сужаются в тонкие щёлочки, а пухлые губы сворачиваются в такую узкую линию, что даже удивиться не успеваешь. Артист смотрит куда-то за мою спину, туда же пялится Сечжу. Ванын замолкает на полуслове и тоже таращится куда-то за меня. Наконец и я решаю повернуться.

– Обыскался, поехали, – не здороваясь, бурчит Туёль, опуская тяжёлую руку мне на плечо. Он в кожаной куртке и тяжёлых берцах, вся одежда, даже маска, чёрная. Маску он намеренно не опускает, а наоборот, надвигает поближе на глаза чёрную кепку с какой-то белой надписью.

– Ты уже готов, я смотрю, – тихо комментирую я, поднимаясь с кушетки. Айдолы не шевелятся.

– Тебе бы тоже не мешало, – Туёль улыбается, хотя этого не видно под маской, и пропускает меня вперёд, к выходу.

Я поворачиваюсь к компании и уже готовлюсь произнести

короткое вежливое прощание, как Ванын вскакивает из-за стола, кланяется и протягивает Туёлю руку:

– Приятно познакомиться, друг Куан! Я Ванын!

Туёль насмешливо и небрежно кидает ему руку и сжимает пальцы певца с такой силой, что бедняге не удаётся спрятать гримасу. Я наступаю Чону на ногу, он ослабляет хватку и трясёт почти безжизненному айдолу руку, даже не удосужившись на взаимный поклон.

– Взаимно, Ванын-а. Взаимно.

Я прощаюсь простым поклоном, без лишних объяснений, хватаю Туёля под локоть и вылетаю из кафе. У дверей уже стоит авто с замазанным грязью номером.

– Они мне не нравятся, – заявляет Чон, едва мы садимся в машину.

– Будто я от них без ума, – бурчу в ответ.

– Тот, который пожал мне руку, – скользкий тип, не подпускай его близко, – с какой-то отеческой заботой Туёль тут же начинает раздавать поручения, а я, как послушная «дочь», лишь молча киваю, соглашаясь, – у лопоухого лицо дебила, у носатого – идиота. А у парня со страшными глазами вообще рожа очень знакомая, не могу вспомнить, где его видел. Он не наш?

– Окстись, – неподдельно ужасаюсь я, – чтобы айдол – и на оппозиционных митингах? Да такое едва ли не смертной казнью карается!

– Едва ли? – переспрашивает Туёль и тут же осекается: –

ах да, айдолы. Это же другая Ступень развития…

И он вдавливает педаль газа в пол, так, что машина ревёт, а шины визжат. Я смотрю на него с каким-то трепетным восхищением: когда Туёль злится, он поразительно похож на Юонга в минуты горячего фанатизма.

Машина тормозит, издавая что-то среднее между стоном, визгом и скрипом. Старушке Хасоль скоро будет двадцать, но она на удивление бодра и вполне себе в рабочем состоянии. Юонг подарил её Туёлю на совершеннолетие, и Чон мне как-то оптимистично заявил, что эта машина его даже переживёт.

Мы останавливаемся у небольшого сарая, в котором нас уже ждёт несколько десятков человек и огромный чёрно-красный фургон, на боках которого нарисованы символы оппозиции. Туёль паркует машину в кустах, я завязываю волосы в пучок, натягиваю на себя спортивные штаны, бесформенную толстовку (стащила из шкафа брата) и кепку, в завершении цепляю на лицо маску. Вся одежда чёрная и лишь изредка красная – это цвета восстания. Цвета «утиля». Наши цвета.

Мои ребята уже расселись в фургоне, за рулём, как обычно, Чинсу. Он кивает мне, когда я вхожу вслед за Туёлем, и наверняка улыбается – он вообще улыбчивый, но под маской этого не разглядеть. Когда я киваю ему в ответ, он надвигает кепку на брови козырьком вперёд и резко стартует. Фургон потряхивает, потому что мы мчимся по внедорожью, почти

не соблюдая правила. Туёль говорит, что так быстрее. Мне такой способ передвижения не нравится до сих пор.

– В следующий раз пойдём организованными группами пешком, – предупреждаю Чона, когда мы очередной раз оказываемся близки к тому, чтобы перевернуться на бок. Туёль усмехается:

– Хорошо, что ты говоришь про следующий раз. Уверена в успехе?

– У меня хорошее предчувствие. Дай мне биту.

Чинсу гасит фары и едет уже практически вслепую. Мы вооружаемся битами, ножами, самодельными гранатами и какой-то огнестрелкой – понятия не имею, где они раз за разом достают все эти игрушки. Туёль натягивает мне на голову, поверх кепки, маленький чёрный шлем, а на себя надевает ярко-красный. Лидер должен быть хотя бы в относительной безопасности.

У мрачного полуразрушенного здания на окраине Сеула уже толпятся люди. Это детдомовцы, которые не прошли отбор Системы и которых за ненадобностью выкидывают, как сломанные игрушки. Маленькие, грязные, испуганные дети смотрят на взрослых в форме, которые отгоняют их от дверей ветхого, но казавшегося им безопасным дома. Его сожгут вместе с теми, кто остался внутри, а потом снесут его остатки, чтобы на его месте построить здание очередного агентства для продвижения айдолов. Судьба детей предрешена: в лучшем случае их отправят по гетто на чёрные ра-

боты. В наиболее вероятном – просто сотрут с лица земли.

Даже внутри фургона слышатся завывания и рёв малышей. Большинству нет и двенадцати. Недалеко от детдома спряталось ещё полсотни наших – они ждут знака.

– Санын, Кухён, пойдёте со мной за детьми, – командую я, вытаскивая из кармана маленькую сигнальную ракету – её сделал Чинсу, чтобы было удобно носить с собой, – Кунь, дашь сигнал через десять минут.

Туёль кивает на кличку, фургон останавливается, мы втроём выпрыгиваем и, пригнувшись, слившись с ночной тьмой, бежим в сторону дома.

Фары полицейских патрулей освещают только само здание, на детей свет практически не падает, поэтому они стоят как-то обособленно. Их даже никто не охраняет, они всё равно от страха не могут двигаться. Мы бесшумно подбегаем к ним, я прячу биту за спину и осторожно дотрагиваюсь до плеча одного из мальчиков.

– Эй, приятель, кто у вас тут старший?

Пацан испуганно смотрит на меня, но не кричит – скорее всего, уже нет сил. Его глаза и щёки красные и опухшие от слёз, губы искусанные в кровь, двух передних зубов нет. На вид ему лет пятнадцать.

– Ну я, – басит он грубо.

– Как тебя зовут?

– Дасоль.

– Цянь, – представляюсь я кличкой, которую в целях кон-

спирации раньше носил Юонг, и немного приспускаю маску, чтобы мальчик проникся ко мне хотя бы слабым доверием, – слушай, мы с друзьями хотим вам помочь. Сможешь организовать малышей, чтобы они тихо последовали за нами?

Дасоль хмурит брови и смотрит на меня с нескрываемым презрением.

– Откуда мне знать, что вы не из «этих»? – задаёт он вполне справедливый вопрос.

Я машу своим рукой, они закатывают рукава и показывают татуировки. Сама я с трудом оттягиваю ворот толстовки, демонстрируя метку на ключице.

– Вы из сопротивления?! – шёпотом ахает мальчик, тут же закрывая руками рот. Мы киваем, и Дасоль тут же, без лишних слов, толкает в бок стоящую рядом девочку примерно того же возраста и начинает ей что-то быстро шептать.

Мало-помалу дети кучкуются по группкам. Самых маленьких мы уводим первыми. Когда две большие группы уходят и остаётся ещё три, с детьми постарше, от десяти лет, Дасоль ловит меня за локоть.

– В доме осталось несколько ребят, – шёпотом говорит он мне, хотя вой сирены, кажется, перебьёт даже самый громкий ор, – вы их заберёте?

Я машу рукой Кухёну и пальцем указываю на дом.

– Сколько? – одними губами интересуется мой товарищ, и Дасоль показывает ему семь пальцев. Кухён кивает и исчезает в чёрной тени ветхого строения.

– Иди за Санын-хёном, – я легонько подталкиваю Дасоля к последней группе детей, – он отведёт вас в безопасное место, пока тут всё не закончится.

– Вы будете стрелять? – даже при такой тьме видно, как у мальчишки горят глаза.

– Надеюсь, не придётся, – я треплю его по волосам, хотя мы почти одного роста.

– А можно посмотреть?

Я едва заметно вздыхаю и наклоняюсь, чтобы посмотреть Дасолю в глаза. У него умный взгляд, может, в будущем он станет известным учёным или чем-то вроде этого… Хорошо, что у меня именно такие надежды на будущее, которое непременно настанет после того, как мы разобьём эту треклятую Систему в клочья.

Вопрос о «посмотреть» или «помочь» мелькает из раза в раз, особенно когда имеешь дело с детьми и подростками. Я ласково улыбаюсь мальчику, стараясь не спугнуть это желание присоединиться к сопротивлению.

– Мы действуем незаконно, понимаешь, Дасора? Если тебя тут поймают вместе с нами, ни о каком твоём будущем и речи быть не может.

– А если я *хочу* помогать вам?

Я легонько щёлкаю его по носу, но не так, чтобы он почувствовал себя униженным или уязвлённым. Протягиваю ему кулак.

– Обратись с этим вопросом к Саныну.

В этот момент Санын подходит, чтобы забрать последнего ребёнка. Дасоль стукает по моей руке своим кулачком, и, как только Санын берёт его за руку, чтобы увести, с другой стороны улицы вылетает ярко-красная сигнальная ракета. Мальчик завороженно смотрит на неё, в то время как Санын силком утаскивает его в сторону ещё одного – детского – фургона.

– Пиф-паф, чупакабрики! – восхищённо визжит Дасоль, но его голос тонет в гортанном вое Туёля.

Рёв разлетается по всей округе. Повстанцы сливаются в одну огромную чёрную волну и набрасываются на стражей порядка. С другой стороны дома собирается вторая группа оппозиции; они оцепляют здание, кто-то уже помчался обезвреживать взрывчатки (хотя это просили сделать до эвакуации детей). Я, с битой наперевес, чувствуя в себе силу десятков погибших за наше дело, влетаю в гущу людей, пробиваясь к полицейскому фургону.

Люди смешались в одно сплошное месиво, но я уже научилась отличать своих от чужих даже при таком скудном освещении. Внезапно свет прожекторов ударяет по глазам, но я успеваю вовремя сориентироваться и избежать удара дубинкой по макушке – её вместо меня получает какой-то парень в форме.

Дорога к машине занимает дольше, чем я загадывала. В конце концов меня подсаживают на плечах, я забираюсь на фургон и становлюсь в полный рост (идеальная мишень, ну

же, пальните кто-нибудь). Стрелок не заставляет себя долго ждать, но мажет. Его промах встречают дружным воем и улюлюканьем. Ко мне на машину взбирается Туёль и лёгким, привычным уже движением подсаживает меня на плечи.

– Давай!

Я выпускаю сигналку, и в этот же момент все окрестные машины подлетают в воздух. Мои ребята поработали на славу, но я даже знать не хочу, как именно они перетащили взрывчатку из здания в транспорт. Надеюсь, все они целы.

Туёль, всё ещё качая меня на плечах, достаёт из ниоткуда небольшой рупор и орёт прямо в него так, что его становится слышно, думаю, и в соседнем районе:

– Этой ночью Система Трёх Ступеней пыталась избавиться от сотни детей, потому что они якобы не прошли отбор, – в его голосе слышатся такая ненависть и такое презрение, что я, сидя на его плечах, чувствую, как он дрожит, какая потрясающая от него исходит энергетика, – из них не вышло артистов, не вышло покорного стаффа и не получилось послушных бездумных рабов. Они могут стать кем угодно, но у них отняли будущее, признав «негодными». А вдруг кто-то из этих детей откроет лекарство от всех болезней? Вдруг кто-то из них построит ракету и улетит покорять дальние планеты? Неужели мы готовы зарубить их будущее на корню, просто потому, что они не встали ни на одну Ступень?!

Его речь проникновенная и живая, хотя и очень путанная. Туёль наконец снимает меня с плеч и, продолжая орать в ру-

пор, машет над головой битой.

– Вам говорят, что оппозиция – зло, но самое настоящее зло – это Система, которая убивает людей, даже самых маленьких и беспомощных, которые не подошли под её стандарты. Мы – за гуманность и справедливость! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, разве не так?!

Ему дружно отвечает гул и вой сопротивления, я свищу в пальцы. Побитые тела лежат на земле, замечаю парочку наших – их уже оттаскивают в фургон. Вдалеке слышится завывание сирены – к полиции едет подмога, и, скорее всего, машина там не одна.

Где-то в кустах, я знаю, прячутся репортёры. Их задача – снимать такие сюжеты, чтобы правительство и его ближайший персонал (то бишь айдолы и их стафф) были в курсе происходящего в Корее. В их числе – Лина, наш информатор и основной двигатель пропаганды. Именно её сюжеты, без вырезанных и переклеенных сцен, «случайно» оказываются на ведущих каналах страны в прайм-тайм. Как только вой более-менее стихает, я достаю из кармана Туёля маленькую дымовую бомбочку – ещё одно портативное изобретение Чинсу.

– Все мы стоим на одной Ступени! – не своим голосом ору я, ударяя шариком по земле, и привычным быстрым движением натягиваю на глаза очки. Когда подкрепление приедет, нас уже здесь не будет. Туёль помогает мне спрыгнуть с крыши машины, и мы во весь дух мчимся в разные стороны,

чтобы в итоге забиться в фургон и ударить по газам.

Санын по рации сообщает мне, что с детьми всё в порядке, что они ещё раз проверили здание и убедились, что вытащили всех. Кухён вмешивается, прокричав, что к зданию не подойти: со всех сторон сидят вооружённые оппозиционеры, которые откроют огонь по любому, кто приблизится. До тех пор, пока они не получат приказ сворачиваться, а постройку не начнут реконструировать, ни одна душа не подойдёт к детдому.

Я улыбаюсь уголками губ и даю отбой. Каждая вылазка – выброс адреналина. Сегодня было не так ужасно, как в прошлый раз; быть может, решили, что мы не станем заморачиваться из-за малышни?..

***

– Какие же они чудовища, – Чжуын прижимает ладони ко рту, глядя на экран.

– Но они же спасли детей, – робко комментирует Лина, стоя рядом со мной с дымящейся кружкой ароматного какао.

– Это, безусловно, благородный поступок, но они нанесли столько ущерба, – возмущается Чжуын шёпотом, – как эти дети потом будут выживать? Побираться на улицах?

– Ты считаешь, что таких «непрошедших» должны отстреливать, как бродячих собак? – с ноткой сожаления интересуется Лина. Чжуын делает гримасу.

– Какая разница? Это же отбросы. Ты вот переживаешь, когда мусор выкидываешь? Нужно ведь сортировать отходы,

и наше правительство именно этим и занимается.

Лина ей ничего не отвечает, лишь устремляет взгляд на экран, где крутят её сюжет. Пак Ёнхэ, наш начальник и представитель государства на канале, стоит прямо под телевизором, скрестив руки на груди, и, стоит репортажу закончиться, громко произносит:

– Эти бандиты опять взломали наши сервера, теперь эта дрянь крутится по каждому ящику в Сеуле. Трансляция идёт не только от нас, пострадало ещё два канала. Призываю всех вас охранять свои данные как зеницу ока!

– И зачем он это сказал? – интересуется у меня Чжуын, когда народ расходится, – и так ведь понятно, что надо держать ухо востро. Ты-то что думаешь, Куан-щи?

– Я? Я ничего не думаю. Нам не положено думать, – довольно резко отвечаю я. Обидно, что такой хороший человек остаётся верен такой плохой Системе.

– Куан-щи, ты чего? – Чжуын останавливает меня и пытается заглянуть в глаза.

– Кадры мерзкие, я такое не очень переношу, – вру я и слабо улыбаюсь. Чжуын согласно кивает и тут же взвизгивает:

– О, я видела сегодня утром твоих подопечных! Такие все красавцы, как на подбор…

– Им положено быть красивыми, – зачем-то напоминаю я.

– И такие серьёзные! Обсуждали вчерашнее происшествие, думали, как бы покрасочнее что-то там снять, –

Чжуын меня не слушает и продолжает щебетать. Они с Ваным вполне могли бы подружиться: оба неугомонные трещётки.

Из плена болтушки Чжуын меня спасает хмурый и вечно недовольный Намгук, и я уже не знаю, с кем бы меньше хотела оказаться рядом. Сонбэ утаскивает меня в гримёрку, где уже ждут все девять артистов – у них за ночь как-то осунулись лица, будто ни один из них не спал.

– Я хочу, чтобы ты их образумила! – в самое ухо горланит мне Намгук. Айдолы мнутся, как побитые щенки, – послушай только! Они решили, что классно будет снять часть клипа прямо на митинге, который будет проводить вчерашняя шайка головорезов!

– Ч-чего? – оторопело гляжу на сонбэ я.

Вот уж не ждали! Чтобы айдолы, и добровольно полезли на рожон?! Да к тому же в такое сложное время, когда оппозиция их Ступень откровенно презирает и ненавидит?!

– А почему ты решил, что я их переубежу? – удивляюсь я вдруг, и Намгук кидает на меня очень злой взгляд, хватает за локоть и притягивает к себе так, чтобы ребята не услышали.

– Потому что, – яростно шипит он в самое ухо, – у тебя есть яркий пример того, почему на митинг лучше не соваться.

В груди очень больно колет.

– Ты ошибся, – не понижая голос, я вырываю руку, – этого примера уже несколько лет нет. Он умер, если ты забыл.

Артисты молча таращатся на нас, а мы с Намгуком мечем друг в друга беспощадные злые искры. Если бы взглядом можно было испепелить, от нас обоих остались бы кучки пепла.

– Я своё слово сказал, – жёстко ставит точку мой сонбэ, – чтобы ни один сотрудничающий с нами человек не появлялся на этих… мероприятиях.

Дверь за ним хлопает с ужасающей силой, так, что я вздрагиваю, даже стоя к ней спиной. Несколько минут я смотрю в пол, ровно дыша и сжимая-разжимая кулаки. На плечо ложится лёгкая, тёплая рука; я поднимаю глаза и вижу притворную улыбку Ванына.

– Поснимать на митинге было моей идеей, – признаётся он, – прости, что тебе досталось.

Я отмахиваюсь от него и вежливо улыбаюсь.

– Всё в порядке. Я сначала даже удивилась: айдолы на митинге. Это забавно.

– Почему? – тут же подаёт голос ВиЮ, которого за высокими Сечжу и Гоюном не сразу видно.

– Потому что на таких митингах, какой был вчера, вы и десяти минут не пробудете, – зачем-то бросаю я, не успевая подумать о смысле сказанных слов, – вас либо подстрелят, либо камера увидит, либо испугаетесь и убежите… Ладно, давайте лучше собираться в студию, мне ещё команду нужно выловить.

– Что значит «испугаетесь»?! – восклицает сразу несколь-

ко голосов.

Я поднимаю взгляд и насмешливо улыбаюсь. Возмущение на лицах артистов видно невооружённым глазом, но мне уже всё равно. Можно будет подбросить им листовку о следующем митинге, но есть ли в этом смысл?.. Всё равно проигнорируют, а потом будут топить за свой статус и напускную храбрость.

Всё ещё усмехаясь, я достаю из кармана кардигана рацию и, не глядя на вытянувшиеся физиономии бойз-бэнда, властным голосом зову свою помощницу:

– Кёнри-я? Ищи команду и тащи в пятую студию. Начинаем работать как можно скорее.

Надо *всё* начинать как можно скорее.

Opposition – Оппозиция

Единственный павильон, который более-менее подходит под запросы моих неугомонных подопечных, вовсю шуршит, гремит, воет и преображается сразу в несколько сцен. Моя команда ждёт у входа, вооружённая каким-то неприличным количеством кистей, спонжей, пудр, кремов, карандашей и прочей атрибутики. Кёнри стоит во главе этой банды и с недоверием косится на меня.

– Их правда девять? – полушёпотом спрашивает она, когда мы всей толпой заходим в павильон и занимаем отведённую нам самодельную гримёрку.

– Да, – киваю я, ловя взгляд Сынхвана-сонбэ, и раздаю своим ребятам листы с подробными инструкциями, – давайте постараемся.

Кёнри с улыбкой принимает у меня листы с макияжем Сечжу и рассматривает каждый миллиметр рисунка. В этот же момент до нас доходит менеджер LIT, мы почтительно кланяемся друг другу.

– Я рад, что вы работаете с нами, Сон Куан-щи, – лучезарно улыбается он, стоит ему выпрямиться.

– Для меня это честь, – вежливо отвечаю я, дёргая губами, чтобы получилось подобие улыбки.

– Если вы не против, у меня есть просьба, – вкрадчиво сообщает менеджер, легко увлекая меня рукой в сторону от

оторопевшей Кёнри.

– Сделаю всё, что в моих силах.

– Вы, наверное, поняли из наших объяснений, что ключевые образы в «Titan» у Ванына и ВиЮ?

Я киваю, так и не понимая, чего именно от меня хочет этот странный парень.

– Я бы хотел, чтобы именно вы делали им обоим образы, от начала и до конца. Да, это займёт больше времени, но в вас я уверен, а вашу команду вижу впервые…

– Минуточку, сонбэ, – довольно резко, даже непозволительно резко, перебиваю его я, – моя команда отлично работает, и в ваших сомнениях нет необходимости. Мои ребята специалисты в своём деле.

– И всё же, я бы хотел, чтобы вы особенно проконтролировали процесс создания их образов.

Ответить на такую странную просьбу я не успеваю: павильон начинает суетиться ещё усерднее. Это говорит только об одном: главные герои сегодняшнего рабочего дня прибыли на площадку.

В растянутых футболках, спортивных штанах, тапках, без грамма макияжа и с шухером на голове – эти парни совсем не похожи на идеальных принцев с фото-тизеров, которыми заполнен сейчас весь Сеул. Под глазами у каждого – синяки, на которые придётся потратить не один тюбик тоналки. У большинства красные глаза, и я про себя интересуюсь, не нужно ли им надевать линзы, и как разбираться потом с лоп-

нувшими капиллярами…

Айдолы на стадии подготовки к съёмкам всегда выглядят помято, но как-то по-домашнему, к ним уже можно обращаться менее формально, перебрасываться шуточками, разговаривать о всякой ерунде. Эти же парни похожи на восставших из могил, будто их вчера убили и забыли об этом сказать, а они по привычке пришли на работу.

В подписанное кресло передо мной падает измученный Ванын. Он снимает круглые очки, небрежно кидает на столик перед зеркалом, взъерошивает непослушные спутанные волосы. Как жаль, что уход за ними тоже входит в мои обязанности…

На соседний стул плавно опускается ВиЮ. Он выглядит почти так же, как обычно. Взгляд у него ещё более хмурый, чем в день нашего знакомства, хотя, кажется, для него такое состояние привычно.

Я показываю Ванын листы с его образом, он без особого интереса берёт их, но как только его взгляд фокусируется на рисунках, в нём будто перезаряжается батарейка.

– Ого! Вот так я буду выглядеть?! А это пирсинг? То есть, клипса, да? Кла-а-а-асс! А ты мне нарисуешь кровавые следы на лице? Как будто я дрался?

– У тебя немного другой концепт, Ванын-щи, – вежливо отвечаю я на вопрос, – ты должен быть единственным, на ком не будет следов борьбы.

Парень обиженно затихает, но уже спустя пару минут, ко-

гда я начинаю превращать его волосы и лицо во что-то адекватное, начинает болтать и вертеться. Для работы с таким клиентом нужен отдельный штат, а не я одна. И как Сынхван предлагает мне работать ещё и с ВиЮ?

Периодически оставляя Ванына любоваться на собственное отражение и делать селки, я отхожу к соседнему креслу с ВиЮ и контролирую процесс уже его макияжа. С этим парнем полегче: он не скачет на стуле, не стремится рассмотреть себя со всех сторон, не подсказывает, как лучше его накрасить или уложить ему волосы. Он лишь изредка задаёт вопросы и даёт ответы, если спрашивают его. Иногда он бросает непонятные комментарии, и попробуй уловить смысл между ними и только что прошедшим диалогом. Но он гораздо спокойнее, это, безусловно, радует.

Разрываясь между девятью участниками, а между ВиЮ с Ваныном и подавно, мы, тем не менее, довольно быстро заканчиваем работу. Айдолы уходят переодеваться, мы наводим порядок в гримёрке и разбираем фотографии результата. Получилось не совсем так, как на рисунках, в каких-то моментах вышло даже лучше. Если они растянут съёмки меньше, чем на неделю, даже не придётся особо напрягаться.

С чувством выполненного долга моя команда отправляется на перекур и обед, мы же с Кёнри остаёмся на случай форс-мажоров и «у меня потекла подводка, помогите!». Кёнри заботливо отдаёт мне половинку своего обеда, чтобы живот так громко не урчал и не сбивал съёмочную коман-

ду (один раз меня выгнали с площадки, потому что китовое пение отвлекало главного оператора). Мы с помощницей устраиваемся поудобнее за камерами и принимаемся уплетать рис с рыбой, ожидая прихода «звёзд».

Ждать приходится недолго. Артисты появляются во всей красе, стучат по полу тяжёлыми берцами, звенят застёжками молнии, скрипят кожаными митенками, цокают кнопками на куртках. В такой одежде даже самого загнанного ботаника примешь за модного бунтаря, но всё равно остаётся впечатление, что это сынок богатых родителей, которые купили ребёнку мотоцикл, лишь бы в школу продолжал ходить.

Этим ребятам определённо не хватает байка для завершения образа.

К ним тут же подлетает несколько человек – хореографы, операторы, световики, бог знает кто ещё, – и начинают наперебой что-то говорить на повышенных тонах. Айдолы слушают вполуха, и только когда к ним подходим мы с Кёнри, чтобы подправить макияж, более-менее оживляются. Но только потому, что готовятся к самой сложной части съёмки: танцу.

Им включают музыку и дают порепетировать, вспомнить движения. Некоторые ошибаются, кто-то дурачится. Учитывая навязанный им образ, этот детский сад никак не вяжется с амплуа суровых бандитов и бунтовщиков. Они воспринимают это всё как игру, даже не как работу.

Песня ритмичная и качающая, но опять про любовь.

Впихнуть концепт митинга в песню о любви! Ну кто так делает вообще?! «Для тебя я буду титаном», обхохочешься. Расскажу вечером своим ребятам – не поверят.

Голоса на записи чистые, и я в какой-то момент даже забываю, сколько обработки проходят песни, прежде чем выйти на рынок. Вряд ли у них они и в самом деле такие красивые.

– Ванын-а, поём? – рыком зовёт Юн, будто услышав мои мысли, и «солнышко» всея LIT отзывается весёлым смехом.

– ВиЮ-я, ты с нами?

Артист хмуро кивает, не выказывая особого энтузиазма. Мы с Кёнри, закончив работать, падаем обратно за пределы съёмочной площадки и продолжаем уплетать рыбу, не то чтобы слушая, но прислушиваясь к тому, что происходит вне камер и софтбоксов.

У Ванына голос красивый и чистый, но несколько отрывистый. Ему бы баллады петь, причём проникновенные такие, рождественские. Отрывистость голоса не сглаживается, из-за этого Ванын словно поёт с надрывом. Не то чтобы я в этом специалист, но за годы работы в индустрии научилась отличать подходящую партию от неподходящей. Хотя, может, я просто цепляюсь к этим ребятам, потому что они мне не нравятся.

Однако со следующими строчками я поднимаю голову и начинаю пристально следить не только за хореографией, но и за исполняющими вокалистами. ВиЮ вступает плавно, но

вместе с тем решительно, и его тембр, его интонации – это то, что необходимо песне с таким концептом и ритмом. Я почти пропускаю мимо ушей остальные партии (кроме Юна – его сложно не заметить и не отметить, что сладость голоса совсем не мешает амплуа хулигана), вслушиваясь в необычный голос ВиЮ. У него не очень широкий диапазон, но зато глубокие ноты. Кажется, я начинаю понимать, почему у этого хмурого и вечно недовольного парня тоже есть фанатки.

Кульминация песни вызывает у меня мурашки, и Кёнри даже легко хлопает меня по руке, проверяя, в порядке ли я. Режиссёр, имени которого я никак не могу выучить, машет рукой, призывая к началу съёмок. Группа выстраивается перед камерой, со всех сторон взрываются колонки, парни бодро начинают скакать перед объективами, попеременно сбиваясь. Переснимать приходится раза три, мы подрываемся каждый оклик: «Куан!», – и приводим в порядок вспотевших артистов. Больше всех косячат Гоюн и ВиЮ. Над последним тут же начинает подшучивать Ванын, причём в какой-то момент шутки становятся по-настоящему обидными.

– У вас такая дружба? – интересуюсь я у ВиЮ, в очередной раз поправляя тени и подрисовывая синяки.

– У нас такая работа, – конструктивно отзывается тот, морщась, когда я провожу кисточкой ему по губам.

– Для вас нормальны такие жестокие подколы? – допытываюсь я, краем уха слушая, как Ванын продолжает кривляться и улюлюкать. ВиЮ смотрит на меня исподлобья как-

то грустно и с некоторой жалостью.

– Для Ванына нормально не чувствовать личное пространство других людей. Я к этому привык. Он хотя бы знает, когда надо остановиться.

Не успеваю я спросить, кто, в таком случае, останавливаться не умеет, как слышу басовый гогот Сечжу. По закатившему глаза ВиЮ сразу понятно, что именно этот парень – причина его вымотанных нервов.

Съёмки продолжаются своим чередом. Я бегаю от одного артиста к другому почти каждый стоп-кадр, все они норовят меня выдернуть в самый неподходящий момент, и почти все они жалуются на тяжёлую работу айдола. Для вида я киваю, соглашаясь, но когда Ванын начинает ныть, что сложнее профессии не придумали, не сдерживаюсь и издаю смешок. Проницательный артист это замечает.

– Я сказал что-то смешное? – обиженно интересуется он.

– Нет, Ванын-щи, – качаю я головой, поправляя ему причёску и пряча ухмылку под видом доброжелательного оскала, – просто твоё хорошее настроение передалось мне.

– Не ври, Куан-а, – парень хмурит брови, отчего выглядит ещё забавнее, – над чем ты смеёшься?

– Вспомнила, как мне точно так же жаловался на сложность профессии приятель с шахт, – пожимаю я плечами, решая не юлить.

– Но играть оппозиционеров тоже очень сложно! У нас трудная работа! – возмущается вокалист.

– А быть оппозиционером?

Ванын едва заметно вздрагивает и смотрит на меня недоверчивым и даже каким-то испуганным взглядом. Однако ответить не успевает: режиссёр оттаскивает меня почти за шкирку, потому что я мешаю звезде работать. Подняв руки в знак согласия, расслабленной походкой отхожу к Кёнри, но Ванын догоняет меня и хватает за руку.

– Ты недавно сказала, что мы бы не продержались на реальном митинге и десяти минут, – он смотрит мне в глаза, и я украдкой замечаю стоящих за его спиной ВиЮ и Юна, – откуда тебе знать, что там творится?

– Я, как и вы, смотрю телевизор, – пожимаю плечами, аккуратно вытаскивая руку из его тисков, – и мой старший брат по дурости и юности влез во всю эту оппозиционную ерунду, так что уж я-то знаю, что там происходит.

– И почему ты уверена, что нам там не место? – встревает в разговор Юн, отпихивая Ванына плечом (что удаётся не сразу из-за роста).

– Да потому, – сдерживая раздражение, отвечаю я, – что там нет толпы гримёров, нет стаффа, приносящего чистую воду в бутылках, нет дежурных медиков и полнейшая антисанитария. Там люди получают ужасные ранения и даже умирают. Звёздам вроде вас там делать нечего, ещё не хватало, чтобы Корея лишилась своего «выбора нации». Вам нужно отвлекать граждан от этого беспредела, а не быть его частью, пытаясь показать свою мужест…

– Закрой рот.

Я послушно замолкаю и поднимаю глаза на ВиЮ. Он выглядит очень злым и рассерженным.

– Простите, ВиЮ-щи, – кланяюсь на девяносто градусов и снова пытаюсь уйти к Кёнри, бросая через плечо: – конечно, вам стоит сходить на митинг. Девять человек для ведущей группы Кореи – многовато.

Если бы меня сейчас слышал их менеджер или кто-то ещё выше, не сносить бы мне головы. Но в том, что дальше группы мои слова не уйдут, сомнений нет: какой мужчина (даже если он айдол) захочет, чтобы кто-то, тем более менеджер, усомнился в его храбрости?

Кёнри обеспокоенно смотрит на артистов, столпившихся за моей спиной. Я ей киваю, давая понять, что всё в порядке и переживать не из-за чего.

– Я отойду ненадолго, хорошо? – ласково обращаюсь к помощнице, – остаёшься за старшую.

Она наверняка провожает меня взглядом, чего уже точно не делают артисты: их снова выстраивают в линию и заставляют в сотый раз танцевать на разные камеры. От пятнадцати минут моего отсутствия ничего не будет, а я бы очень хотела найти Лину; раз эти парни хотят сходить на митинг, мы дадим им такой шанс.

Лина находится быстро. Она, как всегда, занята монтажом: вырезает из своих же сюжетов самые «неправильные» кадры. Я захожу как раз на речи Туёля, где он качает меня

на плечах.

– Куан-и! – радостно реагирует на моё посещение Лина, с явным удовольствием отвлекаясь от работы, – не ожидала, что ты зайдёшь!

– Веришь, нет, тоже не ожидала, что придётся, – улыбаюсь я и сажусь прямо на стол.

– Что-то случилось? – Лина тут же смешно хмурит брови, отчего её и без того милое личико становится ну просто очаровательным, и я не удерживаюсь от ласковой ухмылки.

– Вроде того. Мои подопечные выпендриваются и очень хотят посмотреть на оппозицию.

Лина округляет глаза, подлетает со стула и одним движением закрывает дверь и оба окна.

– Ты ещё громче об этом скажи, – шипит она на меня, но даже это получается у неё забавно, – хотят посмотреть – пусть смотрят по телевизору. Это не развлекательное шоу!

– Я сказала им то же…

– Ты наверняка их вывела, – Лина скрещивает руки на груди и смотрит на меня с укором, – нельзя так с ними поступать, Куан-а, они тоже люди, хоть и айдолы.

Я только открываю рот, чтобы вставить свой любимый аргумент, но Лина, знающая меня не первый год, молниеносно выставляет руку с оттопыренным указательным пальцем.

– И не надо, – шипит она, – мне говорить, что всё в этом мире для айдолов и надо показать им настоящую жизнь. Не надо, Куан-а! Ты с ними работаешь, ты знаешь, что их работа

тоже не на диване валяться!

– Они уверены, что знают, как проходят митинги и как ведут себя восставшие, – бурчу я, уже чувствуя глупость этой затеи, – я разозлилась. Мне захотелось их проучить.

Лина вдруг улыбается, как-то по-матерински тепло (хотя откуда мне знать?) и нежно, и качает головой.

– Юонг-оппа передал тебе свою уверенность, но не дальновидность. Повзрослей уже, Куан-а.

Упоминание брата немного колет, но от Лины слышать его имя скорее приятно, чем противно. В её голосе слышится теплота и ласка, хотя они с Юонгом не были прям очень близки.

– Обещай мне, что больше не будешь так делать, – продолжает журить меня Лина, как провинившегося ребёнка.

– Пообещаю, если ты подкинешь этим ребятам «пригласительные», – язвлю я.

– Куан-а! – щёки Лины становятся пунцовыми, а голос всё тише и ниже, – ты же наш лидер! Не ввязывай в это невинных людей, сама же говорила, что нам не нужны бессмысленные жертвы!

– Это ведущая группа Республики, – продолжаю гнуть я, – ты хоть представляешь, какой сюжет выйдет? Как много людей поймёт, что айдолы – лишь красивая оболочка и куча вложенных деньжищ, тогда как на обычных людей кладут болт и ведут охоту?!

Я срываюсь на восклицание, и Лина опять на меня шипит,

как кошка, которой дверью прищемили хвост. Послушно замолкаю, но продолжаю пускать глазами искры. Лина поднимает руки.

– Твоя взяла. Но в последний раз, слышишь?! Если ты хоть ещё с одним бэндом так поступишь, я лично тебя выпотрошу.

Картина представляется крайне забавная, и я не удерживаюсь от смешка. Злая Лина всё равно остаётся милашкой-очаровашкой с детским лицом и огромными, будто испуганными глазами. Заметив моё умиление, она тут же машет руками, выгоняя из своего кабинета.

– Мне надо работать! Брысь! – она машет на меня кистями рук, словно опахалом, и я смеюсь уже в голос над её попытками.

– Группа называется «LIT», их девять, – напоследок бросаю я и закрываю дверь, из-за которой раздаётся возмущённое:

– Сколько?!

В отличие от меня, Лина следит за поп-музыкой и знает, что в группах бывает и двенадцать, и двадцать человек. И её возмущение, конечно, связано с количеством «пригласительных». Хотя это можно сделать и одним разом, если пораскинуть мозгами, а уж в этом-то Лине опыта не занимать.

Я возвращаюсь в павильон, где Кёнри разрывается одна на девять айдолов. Моё появление её явно радует, так как она тут же бежит ко мне, хватает за руку и волочет в сторону

гримёрок.

– Куан-онни, мне конец! – почти плачет помощница, задёргивая шторы самодельной палатки, – я разлила чей-то парфюм!

– Что, весь?!

Кёнри, уже по-настоящему плача, показывает на один из столиков, уже неподписанный, так что определить по памяти, чей он, сложно. Пахнет помесью специй и розового дерева. Стоит мне подойти к столу, на котором стоит полупустой прозрачный пузырёк с салатовой жидкостью на донышке, как запах становится устойчивее и приобретает нечто среднее между полем и лесом.

Кёнри за моей спиной издаёт какие-то нечеловеческие всхлипы, и мне приходится отвлечься от игры в детектива, чтобы утешить её истерику.

– Они скоро обедать пойдут, онни-и-и-и, – воет мне в плечо помощница, – и обязательно это увидят! Что мне делать?

– Для начала – убрать беспорядок, – командую я, бросая взгляд на часы и подхватывая полотенце со стула, стоящего перед несчастным столиком, – если что, свалишь всё на меня.

Мы хватаем тряпки, полотенца, салфетки, и начинаем оттирать уже почти полностью впитавшийся в дерево парфюм. Дерево, пахнущее лесом, в съёмочном павильоне – довольно забавно.

Я быстро закупориваю пузырёк и осторожно ставлю на ме-

сто. За шатром раздаются аплодисменты и хоровое: «Спасибо за работу», – у артистов и их стаффа обед, и сейчас мои выпендрёжные подопечные придут сюда.

Я практически выпихиваю Кёнри и усиленно делаю вид, что уже полчаса как смахиваю пыль со стерильных полок со склянками, кистями и прочими радостями профессии визажиста. Однако проклятый пузырёк духов не даёт мне покоя, и я не могу свести с него глаз, думая только о том, как буду объясняться перед артистами, которых полчаса назад без малого оскорбила.

– А-а-ах! Ну наконец-то можно поесть! – громкий голос Ванына раздаётся неожиданно, так, что я вздрагиваю и рывком поворачиваюсь ко входу в гримёрку, пряча за спиной салфетки, будто я их украла и теперь меня поймали с поличным.

Ванын замирает у входа и несколько секунд просто изучает глазами гримёрку. Его нос немного сморщивается, как у кота, и он жадно втягивает в себя воздух. Разумеется, «лесной» запах он чувствует сразу.

– Что тут произошло? – одними губами спрашивает он.

Я достаю из-за спины салфетки, показываю их и отвечаю, пожимая плечами и пялясь на носки его ботинок:

– Случайно смахнула парфюм…

За Ваныном уже появляются остальные мемберы, и я вжимаю голову в плечи, ожидая, какими словами меня назовут. Артист разворачивается на пятках, визжит подошва; он пре-

граждает руками путь остальным, хотя запах, думаю, уже распространился и за пределы гримёрки.

– Ванын-а, в чём дело? – Сечжу практически отпихивает вокалиста, но тот настойчиво толкает его вон из гримёрки.

– Там краситель какой-то разлили, воняет жутко, – бесстыже врёт «солнышко», – давайте пообедаем в павильоне? Нам же всё равно, где есть?

– А почему так деревом пахнет? Похоже на мой одеколон.

Я моментально холодею. Голос хозяина оказывается голосом ВиЮ.

– Тебе кажется, ВиЮ-я! – переходит Ванын на фальцет, – я чувствую только запах краски. Это, может, от тебя пахнет? Я же тебе сто раз говорил, брызгайся им меньше! Того и гляди, на тебе поселятся белки и будут долбить дятлы.

– Дятлы меня уже несколько лет долбят, – иронично отзывается ВиЮ, но, так как Ванын не пускает его дальше порога, ворчит и разворачивается.

– Я вас сейчас догоню, минуту! – верещит им вслед Ванын, задорно помахивая рукой. Стоит его коллегам скрыться за аркой павильона, он всем корпусом разворачивается ко мне: – это успеет выветриться за час?

– Маловероятно.

– Если ВиЮ спросит, можешь сказать, что я смахнул, – артист отнимает у меня тряпку и принимается рьяно растирать стол, в который парфюм уже впитался, – мне он точно ничего не сделает, а вот у тебя могут быть проблемы.

– Спасибо, – только и удаётся выдавить мне.

Ванын протирает стол, пшикает на него своим одеколоном, рассматривает почти пустую бутылку ВиЮ.

– Может, я успею за обед купить новый? – интересуюсь я робко. Ванын качает головой:

– Он продаётся на другом конце Сеула и за огромные деньги. Ни к чему тебе тратиться. ВиЮ, конечно, любит этот запах, но, думаю, он переживёт потерю.

Я чувствую себя неловко, как будто действительно я, а не Кёнри, смахнула этот злосчастный пузырёк. Аромат между тем просачивается в павильон. Стафф открывает окна и двери, удивляясь, откуда в центре мегаполиса запах леса.

– ВиЮ точно адекватно это воспримет? – мнусь я с ноги на ногу, осторожно пытаясь взять бутылочку в руки.

– А куда он денется, – артист не даёт мне это сделать и только крепче сжимает сосуд, – я много раз ему что-то ломал или разбивал. Он привык.

Ванын уже не так враждебно ко мне настроен, как в нашу последнюю беседу. Незлопамятный? Среди айдолов это новшество. Они обычно как сорванные с цепи собаки, того и норовят укусить побольнее. Любая промашка стаффа (тем более кого-то, кто задел их гордость) – способ самоутвердиться. Поэтому в агентствах так распространены издевательства над трейни (то есть будущими айдолами). Детишки терпят, потому что хотят «выбиться в люди», а потом перенимают эту идиотскую модель поведения и переносят её на других

трейни и рабочий персонал. И ничего ты с этим не сделаешь, хоть убейся.

Угадав мои невесёлые мысли, Ванын улыбается.

– Ты, Куан-а, конечно, грубая, но я не обижаюсь. Намгук-хён сказал, что у тебя особое отношение к митингам и всей этой истории с восстаниями. Я понимаю, почему ты так разозлилась, когда мы начали жаловаться.

Убью этого болтливого сонбэ.

– Но работа айдола тоже не из лёгких, хотя тебе это кажется, наверное, смешным, – продолжает между тем артист, – мы не спим сутками, нас изнуряют тренировками и диетами, а одно лишнее слово в эфире может стоить нам карьеры и положения…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.